



1

Когда-то давным-давно у меня была идеальная семья. У меня был идеальный муж — красивый, любящий, успешный... У меня были идеальные дети — Лесли и Лия, красивые, миленькие, замечательные девочки. Я жила идеальной жизнью в идеальном доме, стоящем в идеальной местности. Да, мы были одной из тех милых до тошноты семей, у членов которых даже имена начинаются с одной буквы — Ланс, Лорен, Лесли и Лия. Лоутоны из Санта-Барбары, штат Калифорния.

А затем, как это обычно бывает в сказках, пришло зло и разрушило нашу идеальную жизнь.

Я вспоминаю Лесли, которая, будучи маленькой, очень любила, когда ей читали вслух. Предпочтение отдавалось сказкам. Это ведь очевидно! Наши собственные родители тоже читали нам в детстве сказки. Я помню, что книжки были ярко иллюстрированы, а описанные в них истории заканчивались исключительно счастливо. Но сказки — это отнюдь не милые безделицы. Они только кажутся нам славными и безобидными. На самом деле сказки являются мрачными повествованиями, в которых описываются всевозможные преступления, убийства, злоупотребления, насилие и надругательства.

Золушку в качестве узницы держат в собственном доме и обращаются с ней так, словно она рабыня. После смерти отца девушка подвергается физическому и психологическому издевательствам со стороны мачехи и сводных сестер.

Склонная к садизму маньячка насильно держит Гензеля и Гретель в дремучем лесу, пугая брата и сестру тем, что в ближайшем будущем она собирается зажарить их живьем, а потом устроить пир каннибализма.

Красная Шапочка идет в лес повидаться с престарелой бабушкой, но потом выясняется, что дикий зверь-изувер сожрал ее живьем.

Таковы сказки.

Моя собственная история похожа на них.

Лесли была... есть... Старшенькая. Упрямая и милая девочка. Маленькая мятежница. Она любила танцевать. Она обожала музыку.

Лесли любит музыку.

Кто бы мог подумать, что выбор грамматических форм может превратиться для человека в пытку? Прошлое время или настоящее? Для большинства людей выбор времени глагола — суцая безделица, а вот меня необходимость сделать этот выбор может довести до слез, до грани душевного изнеможения, до края, за которым — самоубийство.

Лесли была... Лесли есть... Разница для меня заключается в жизни или смерти дочери.

Лесли — жива.

Она была моей дочерью.

Она пропала 28 мая 1986 года. С тех пор прошло четыре года. Никто ее не видел. Никто о ней ничего не слышал. Я не знаю, жива ли она... Была она или есть...

Если я остановлю свой выбор на прошедшем времени, то это будет означать, что я смирилась с ее смертью. Если я предпочту настоящее время, то тем самым обреку себя на бесконечные пытки надеждой.

Я живу в преддверии ада. Жить здесь очень тяжело. Я все отдала бы за возможность уехать отсюда или по меньшей мере забыть об аде в моей душе.

Мне просто необходимо забыть, какой-никакой катарсис, чтобы очистить то нагромождение токсических

отходов, что остались после постигшего меня горя. Мысль о катарсисе вызвала к жизни искру, которая побудила меня начать писать эту книгу. Что, если поделиться своим жизненным опытом с миром? А вдруг это обезопасит яд, которым пропитаны мои воспоминания? Это все равно что бросить спасательный трос утопающему в бурлящих водах паводка.

Впрочем, как бы ни был крепок брошенный мне спасательный трос, я все равно не смогу выбраться на сушу. Я — мать без вести пропавшего ребенка.

* * *

Работа вымотала Лорен до предела. На написание трех страниц ей понадобилось шесть часов. Иногда ей казалось, что каждое слово приходится силком вытаскивать из вязкой черной смолы собственных чувств. У женщины было такое ощущение, будто она пробежала марафон, после которого хочется побыстрее сбросить с себя пропитанную потом одежду и смыть под душем дорожную пыль. Она сохранила написанное на дискете, а затем выключила компьютер.

Лорен и ее младшая дочь Лия переехали в Оук-Кнолл чуть больше месяца назад. Как же много времени отняла у нее борьба с собой! Вечные отсрочки того момента, когда надо будет усесться перед компьютером... До сих пор одна часть Лорен то и дело поднимала панику, неистово крича о том, что еще слишком рано, что она не готова. Каждый день Лорен представлял собой борьбу не на жизнь, а на смерть между потребностью жить дальше и страхом перемен, между жалостью к самой себе и отвращением, вызванным в ней этой жалостью.

Отъезд из Санта-Барбары был продиктован острой необходимостью удалиться — как в прямом, так и в переносном смысле этого слова — от места преступления. Ей казалось, что на расстоянии она сможет взглянуть на происшедшее чуть отстраненно. Кроме того, Лорен надеялась, что, написав в книге о случившемся, она если не обретет душевное спокойствие, то по меньшей мере смягчит свои страдания, сумеет принять то,

что произошло, и наконец-то смиритесь с ним. Покой... Умиротворение... Эти слова не подходят. Не стоит на многое рассчитывать.

Бампер и Сиси Бристоль, старые друзья из Санта-Барбары, полностью одобрили ее решение с переездом и книгой. Именно они предложили Лорен пожить какое-то время в принадлежащем им доме в Оук-Кнолле.

Семья Бристолей являлась в каком-то смысле частью семейства Лоутон. Для Ланса и Лорен они были почти что старшими братом и сестрой, а их девочки относились к друзьям родителей так, словно они их родные бабушка и дедушка. Каждое Рождество Бампер становился Санта-Клаусом, а в другое время года выступал в роли судьи во время спортивных соревнований, в которых принимали участие девочки. Сиси исполняла роль хорошо разбирающейся в моде крестной матери и с удовольствием ездила с ними по магазинам, а также много чего рассказывала о маникюре и педикюре.

На самом деле Бампера звали Бобом. Свое прозвище он получил много лет назад из-за агрессивной манеры игры в поло. Именно там, на поле для игры в поло, Ланс и Боб, встретившись, подружились, несмотря на двенадцать лет разницы в возрасте. Они вращались в одних и тех же социальных кругах. Бампер работал в сфере финансов, а Ланс был архитектором. За долгие годы они приобрели общих клиентов и знакомых. Сиси владела антикварным магазинчиком на Лили-авеню в Саммерленде, на юге Монтеcito. Лорен, будучи дизайнером, работала сама на себя.

В 1984 году Ланс взялся за проект перестройки принадлежащего Бристолям дома в Оук-Кнолле, куда хозяева изредка приезжали, желая сменить обстановку. Лорен иногда подшучивала над друзьями. Шутки не прекращались даже тогда, когда она вместе с Сиси обсуждала детали нового интерьера. «Вы живете в раю. Какой смысл ехать куда-то отсюда?»

Красивый, словно сошедший с почтовой открытки город Санта-Барбара стоит на берегу Тихого океана, на фоне далеких гор. Знаменитости запросто разгуливают по его улицам,

обедают в модных ресторанах, покупают себе особняки на окраинах Монтесито. Каждое лето сюда валят толпы туристов. Здесь никогда не соскучишься. В Санта-Барбаре процветает искусство. Это город концертов и фестивалей.

Лорен обожала Санта-Барбару. Тут она провела все двадцать лет своей замужней жизни. Муж родился и вырос в этом городе. Здесь родились их девочки. Лоутоны вели активную общественную жизнь, а их дети хорошо зарекомендовали себя в школе.

Лесли похитили в Санта-Барбаре.

Ланс погиб на горной дороге, идущей к северу от города, спустя два года после похищения.

Лорен не могла спокойно пойти в супермаркет, ибо каждый раз становилась объектом всеобщего внимания и пересудов. В тщетной попытке поддержать в людях интерес к пропавшей дочери женщина то и дело появлялась на экране телевизора, ее имя часто мелькало в газетных публикациях. Так продолжалось год за годом. Владельцы всех магазинов в городе хорошо знали Лорен Лоутон. Она приходила к ним с очередными плакатами и листовками, на которых было написано:

ПРОПАЛА ПОХИЩЕНА ВИДЕЛИ ЛИ ВЫ ЭТУ ДЕВОЧКУ?

В ее присутствии люди чувствовали себя неудобно. Вначале они просто не знали, что говорить убитой горем матери, а затем уже не знали, как поскорее от нее отделаться. Прошли годы, и всем надоело видеть ее, слышать по телевизору о пропавшей Лесли. Им больше не хотелось выказывать жалость, подспудно мучиться чувством вины. В адрес Лорен то и дело раздавались советы: «Перестаньте изводить себя... Время лечит любые раны».

Даже лучшие из подруг призывали Лорен успокоиться: «Прошло очень много времени, Лорен. Лесли уже мертва. Тебе пора уgomониться».